

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₇₎

осень — зима

2012

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
академика И.А. Орбели

- И.Ф. Попова.* И.А. Орбели в Ленинградском отделении
Института востоковедения АН СССР 5
Ж.С. Мусаэлян. И.А. Орбели и курдская филология 15

ПУБЛИКАЦИИ

- Танский политический трактат из Дуньхуана.
Предисловие и перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой* 22
Документы из Хара-Хото о займе зерна. Предисловие
и перевод с тангутского языка *Е.И. Кычанова* 38
Аракава Синтаро. О рисунке тангутского «камнемета»,
хранящемся в ИВР РАН 44
Самань куварань-и битхэ («Шаманский двор»). Перевод
с маньчжурского языка и предисловие *Т.А. Пан* 52

ИССЛЕДОВАНИЯ

- О.М. Чунакова.* Парфянские личные имена: семантика
и структура 65
А.Л. Хосроев. К толкованию некоторых понятий
в так называемом «Трехчастном трактате»
(*Nag Hammadi Codex I.5: 109.21–110.22*) 75
З.А. Юсупова. Письменные памятники как источник
изучения курдского языка: «Диван» Ранджури
(на диалекте горани) 96
Ж.С. Мусаэлян. Курдская рукопись середины XIX в.
из Архива Востоковедов ИВР РАН 115
Ю.А. Иоаннесян. Божественное созидательное начало
в авраамических религиях 133
В.Ю. Шелестин. Паритетные договоры царей
Кишцувадны 156
Вэй Ин-чунь. О фрагменте Дх-234 российской дуньхуанской
коллекции (перевод с китайского языка *И.Ф. Поповой*) 183



«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.П. Щеглова.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX — первое десятилетие XX в.) 195
- Д.Г. Кукеев.* О некоторых современных направлениях историографии истории Джунгарского ханства 210
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века 218
- П.С. Тентюк.* «Законоведная макама» ал-'Аббаса по рукописи В 66 из собрания ИВР РАН 233
- А.М. Кабанов.** Влияние китайской культуры на средневековую Японию (на примере дзэн-буддийской поэзии) 241

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- К.М. Богданов.* Каталогизация материалов фонда тангутских рукописей и ксилографов ИВР РАН: история, проблемы, перспективы работы 269
- К.Г. Маранджян.* Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» 281
- С.И. Марахонова.* Востоковед Сергей Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. 304
- А.Я. Борисов, А.П. Рифтин, Н.В. Юшманов.* История кафедры семито-хамитской филологии (Музей истории СПбГУ. Ф. ФИК, д. 127, лл. 52–67). Предисловие и публикация *Г.Х. Каплан* 315

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О.М. Чунакова.* Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели 327
- И.В. Кульганек.* Пятая научно-практическая конференция: «Путешествия на Восток–2011» 331
- А.Х. Юлгушева.* XXXIV ежегодная сессия петербургских арабистов 334
- В.П. Иванов.* XXXIII Зографские чтения. Проблемы интерпретации традиционного индийского текста (16–18 мая 2012 г., Санкт-Петербург) 337
- Ю.В. Болтач.* Пятые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир» (13–15 июня 2012 г. Санкт-Петербург) 340
- Н.О. Чехович.* Выставка из собрания акад. Николая Лихачева 343
- На четвертой стороне обложки: Документ из Дуньхуанской коллекции ИВР РАН (к статье Вэй Ин-чунь) *И.Ф. Попова.* Международная конференция «Тангуты и Центральная Азия» 345

РЕЦЕНЗИИ

- Yuriy Malikov.* Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. (*И.В. Герасимов*) 348
- Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*С.Л. Бурмистров*) 353
- Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. (*М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская*) 357

IN MEMORIAM

- Анаит Георгиевна Периханян (1928–2012) (*О.М. Чунакова*) 364

К.Г. Маранджян

**Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937):
к портрету «культурного бродяги»**

Статья представляет собой подробный биографический очерк известного востоковеда-дальневосточника Д.М. Позднеева, репрессированного в 1937 г. Его имя на долгие годы было предано забвению, а изданные им учебные пособия и монографии изъяты из употребления. Статья во многом основана на материалах фонда Позднеевых, хранящегося в рукописном отделе РНБ. К статье приложена библиография работ Д.М. Позднеева.

Ключевые слова: японист, китаист, Д.М. Позднеев, японско-русский словарь, Ю. Витте, история, география, экономика Японии, рукописный отдел РНБ.

«...для ориентализма нужны известные специальные черты характера, как я его называю, „культурного бродяги“».

Д.М. Позднеев

В XIX в. Российская империя стала проявлять осознанный интерес к странам Востока, собирая информацию через своих дипломатических представителей, военных атташе и разного рода чиновников. На этом этапе сведения о Востоке поставлялись в форме докладов, отчетов, обзоров, описаний, словарей, чертежей, карт и пр. Тогда же вошли в практику географические экспедиции, по материалам которых составлялись столь необходимые разным ведомствам географические и морские карты. Часто подобная работа велась под эгидой Министерства Иностранных дел, при участии Русского Географического общества, Академии наук, Университета и прочих учреждений. Из этого чисто ознакомительного интереса, обусловленного тогдашними политическими задачами, впоследствии развилось и оформилось в самостоятельную науку востоковедение, ставящее перед собой задачу, среди прочих, всестороннего изучения культуры и истории Востока.

Именно на это время приходится жизнь Дмитрия Матвеевича Позднеева, по праву считающегося одним из основоположников японистики. Впрочем, одной японистикой его научные интересы не исчерпывались: ему принадлежат труды и описания многих стран Дальнего Востока (Китай, Монголии, Маньчжурии, Кореи, Формозы (Тайвань), Японии).

Долгие годы имя этого ученого, репрессированного в 1937 г., было фактически под запретом, его книги изымались из библиотек, составленные им учебные пособия были забыты или уничтожены. И только в последние годы стали появляться публикации о Д.М. Позднееве, а в научных работах стали мелькать ссылки на его труды (Михайлова, 2010; Усов, 2005).

Димитрий (как он сам величал себя) Матвеевич Позднеев, дворянин по происхождению, родился 26 января 1865 г. в г. Орел в семье протоиерея Сретенской церк-

ви¹. Закончил Орловскую духовную семинарию и за казенный счет был послан в Киевскую духовную академию², в которой в 1889 г. окончил историческое отделение, посвятив свое кандидатское сочинение истории распространения христианства в Средней Азии. В том же году он поступил на «факультет восточных языков императорского Санкт-Петербургского университета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду», отказавшись продолжать дело своего отца. Впрочем, как писал в одном из писем сам Д. Позднеев: «Покойный отец говаривал: „Ну, ребята, вы только окончите семинарию, а в высшее учебное заведение уже всякий должен идти, куда ему по душе, хоть в лесничие“» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 408. Письмо датировано 14 апреля 1910 г. и адресовано племянникам).

По окончании университета он представил «три конкурсных сочинения»: на втором курсе — по истории Восточного Туркестана в XVIII в., на третьем (по кафедре китайской словесности) — историко-географический очерк Юго-Восточной Монголии, на четвертом курсе (по кафедре истории Востока) — исторический очерк уйгуров³. Все эти сочинения были удостоены золотых медалей. Д. Позднеев был оставлен на кафедре истории Востока и командирован за границу в Лондон, Париж и Берлин «для ознакомления с библиотеками и приготовления к профессорскому званию». Домой он возвратился в 1894 г.

Вместе с тем на следующий год он выступил на заседании факультета восточных языков с двумя лекциями — «Тайпинское восстание в Китае» и «Царствование императора Цин-ши-хуан-ди», после чего был допущен к чтению лекций в университете по новой истории Китая. Представление о содержании прочитанных им курсов можно получить, ознакомившись с изданными в 1898 г. в Петербурге «Лекциями по истории Китая. 1897–1898 гг.» и «Пособием к изучению коммерческой географии Дальнего Востока (Маньчжурия, Монголия, Западный Китай и Собственный Китай)» (1898). Кроме того, до наших дней дошла и вступительная лекция, произнесенная в Санкт-Петербургском университете 9 ноября 1896 г., «Основные течения государственной жизни Китая в XIX в.».

Примечательно, что в то же время появились две первые публикации Д. Позднеева, посвященные Японии. Это были «Настоящее и будущее Японии по взглядам европейской литературы» (1896) и «Япония. Ее экономическое положение и торгово-промышленное отношение к России» (1896). Тогдашнее университетское образование, как это видно уже по названиям студенческих работ Д. Позднеева, давало прекрасную подготовку и предполагало весьма широкий кругозор. Прекрасно владея китайским языком, Д. Позднеев, по-видимому, считал важным включить в орбиту своих интересов и Японию⁴.

¹ Подробная биография ученого до 1914 г. содержится в: Ученая и литературная деятельность Д.М. Позднеева (отд. оттиск из 3-го т. издания: Материалы по истории факультета восточных языков). Пг., 1914. Интересные сведения о семье Позднеевых приведены в публикациях внучки Д. Позднеева, Н. Кабановой.

² Подробнее об атмосфере в семинарии и Духовной академии в Киеве можно прочитать в кн.: *Лабинцев Ю., Щавинская Л.* Литературные труды Афанасия Булгакова. М., 2011. Дело в том, что семьи Позднеевых и Булгаковых были связаны дружескими, а потом и родственными узами: в 1890 г. младшая сестра Д. Позднеева Софья выйдет замуж за младшего брата А. Булгакова — Петра. Отец писателя М. Булгакова еще с юношеских лет дружил с Владимиром Позднеевым (1860–1929), средним братом в семье Позднеевых. И Афанасий Булгаков, и Владимир Позднеев, а потом и Дмитрий Позднеев закончили одну духовную семинарию в Орле, а потом и Духовную академию в Киеве. Переписка А. Булгакова с В. Позднеевым, поразительная по своему тону и характеру обсуждаемых тем, опубликована в журн. «Октябрь» (2002, № 11).

³ Он был издан в виде отдельной книги: *Позднеев Д.М.* Исторический очерк уйгуров (По китайским источникам). СПб., 1899.

⁴ По мнению В.Н. Кочешкова, Д. Позднеев до своей поездки в Японию немного знал японский язык. Теоретически это было возможно, потому что преподавание японского языка в университете началось до

По-видимому, трудолюбие и незаурядные способности молодого ученого довольно быстро успели создать ему репутацию серьезного ориенталиста. Он принимал участие в работе секции Китая и Японии XI Конгресса ориенталистов в Париже в качестве одного из ее секретарей. Подробный рассказ о конгрессе был дан в его небольшой статье с одноименным названием. Знаменательно, что русское Министерство финансов прислало конгрессу свои издания по различным вопросам Дальнего Востока, в числе которых было и «Описание Маньчжурии» под редакцией Д. Позднеева. «Секция Китая и Японии единогласно выразила от имени Конгресса ориенталистов благодарность русскому министру финансов С.Ю. Витте за присылку упомянутых изданий» (Позднеев, 1897, с. 23).

Напомним, что вскоре своим указом от 29 февраля 1900 г. С.Ю. Витте фактически учредил Общество Востоковедения, целью которого, как гласил устав, было «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью: устройство выставок, лекций, курсов, библиотек, экспедиций, издание работ».

С.Ю. Витте, обладая государственным умом, понимал важность укрепления России на Дальнем Востоке и прикладывал усилия для продвижения там российских интересов. Для этих целей нужны были подготовленные люди, знакомые с языками и культурой стран Востока. Как писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды» (Витте, 1922, с. 38).

Поэтому неслучайно, что по окончании университета подававший большие надежды выпускник Д. Позднеев был приглашен на работу в Министерство финансов. Как свидетельствует его биографический очерк, «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 30 марта 1895 он был определен на службу в общую канцелярию министра финансов младшим помощником делопроизводителя, а приказом по Министерству Финансов от 29 сентября 1895 назначен старшим делопроизводителем канцелярии министра финансов». Уже в 1898 г. предложением министра финансов он был назначен представителем в заседаниях учрежденной при Министерстве народного просвещения комиссии для обсуждения вопроса о преобразовании Владивостокской гимназии в Восточный институт.

Вскоре после этого он был отправлен в командировку для службы в пекинское отделение Русско-Китайского банка. Этот банк был создан в 1895 г. для содействия развитию экономических связей между двумя странами (особенно в связи с открытием Сибирской железной дороги) и усиления там русского политического влияния. К 1900 г. он занимал пятое место среди банков России. Одновременно с этим Д. Позднеев был назначен заместителем члена правления Общества КВЖД.

Естественно, чтение лекций в университете было прекращено, и Позднеев выехал в Китай. С.Ю. Витте обратил внимание на редкие деловые качества и работоспособность Д. Позднеева.

Следующие несколько лет он вплотную занимался государственными делами: готовил переговоры по установлению нового тарифа для китайской морской таможни, изучал состояние русских торговых интересов. С этой целью много ездил, посетив в 1901–1902 гг. Калган, Южную Монголию, Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Циньвандао, Порт-Артур, Дальний, Маньчжурию, Хабаровск, Владивосток и др. Д. Позднеев был командирован в Шанхай для переговоров по тарифам и подписал соглашение о

того, как в 1898 г. была открыта кафедра японистики. Однако ни подтверждающих, ни отрицающих это предположение фактов у нас нет. См.: Они были первыми // Россия и АТР. 1999, № 2, с. 45.

дополнительном тарифе русского морского ввоза в Китай. Вернулся в Пекин уже в новом качестве управляющего банком. За плодотворную работу был удостоен китайского ордена Двойного Дракона 3-й степени 2-го разряда.

Инспекционные поездки послужили материалом для целого ряда научных публикаций, посвященных торговле на Дальнем Востоке⁵. И в этом проявилось удивительное свойство Д. Позднеева — любая тема, будь это его знакомство с европейскими библиотеками, участие в международном конгрессе, заключение торгового договора или деловые поездки чиновника Министерства финансов, — становилась предметом научного рассмотрения и поводом для появления очередной публикации. Стремление к научному оформлению любой проделанной работы было не только следствием научного метода самого Д. Позднеева, но и было обусловлено осязаемым недостатком материалов, посвященных изучению Дальневосточного региона.

Например, в Китае ему пришлось стать свидетелем и участником важных политических событий: во время восстания ихэтуаней⁶ Позднеев вместе со страдающей от нездоровья женой⁷ и годовалой дочерью находился в осажденном посольском квартале в Пекине. Он принимал участие в обороне, строил баррикады, рыл траншеи, вооруженный дувстволкой и револьвером «нес часовую службу». За участие в обороне зданий императорской миссии в Пекине от нападения мятежников» был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами. Свои воспоминания о тех событиях Д. Позднеев описал в дневниковых записях, опубликованных под заглавием «56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца» (1901).

Предваряя свою летопись, он писал: «Во время „Пекинского сидения“ в июне и июле 1900 я вел запись событий и впечатлений, имея в виду, что, может быть, в будущем мне или кому другому в случае моей смерти записи эти пригодятся. Для полноты материала мною собиралось все, даже незначительные по объему и содержанию клочки бумажек, на которых так или иначе обозначались факты нашей жизни, как то: списки циркуляров, расписание очередей дежурств и т.п.» (Позднеев, 1901). Он собирал «все, что было возможно, не зная, что из всего этого выйдет». Эти слова как нельзя лучше свидетельствуют о том, что Д. Позднеев в любых обстоятельствах оставался пытливым исследователем, понимающим важность документальных источников и не пренебрегающим никакими, даже кажущимися ничтожными историческими данными.

Позднее, уже в 20-х годах он вновь вернется к этим событиям, правда уже под другим углом зрения, опубликовав статью под красноречивым названием «Боксерское восстание как этап освободительной борьбы в Китае (К 25-летию событий)».

Он оставался на службе в министерстве финансов до тех пор, пока оттуда не ушел С.Ю. Витте. В фонде Позднеевых в РНБ хранится дневник Д. Позднеева, который он вел в годы своего пребывания в Китае, и там лежат несколько газетных вырезок, в которых сообщается о переводе С.Ю. Витте на пост председателя Комитета министров. По-видимому, «почетную отставку» Витте Д. Позднеев, правда не оставивший в своих записях никаких заметок на этот счет, понимал как значимое событие для своей дальнейшей жизни.

⁵ В Петербурге были изданы «Торговля города Ин-коу (Ню-чжуан). Доклад министру финансов» (1902), «Торговля города Порт-Артура» (1902), «Торговля городов: Дальнего, Далянь-ваня, Би-цзы-во и Да-дунь-гоу» (1902), «Торговля порта Чифу» (1902).

⁶ Восстание ихэтуаней (известно также как «боксерское восстание») было направлено против иностранного вмешательства в жизнь Китая и длилось с 1898 по 1901 г., когда было подавлено силами альянса из 8 западных держав.

⁷ Первой женой Д. Позднеева была Любовь Яковлевна Соколова, родившая ему в Пекине дочь Анну.

5 июня 1904 г. именным указом он был назначен директором Восточного института во Владивостоке, сменив на этом посту своего старшего брата, известного монголоведа и этнографа А.М. Позднеева (1851–1920). А.М. Позднеев, первый директор и организатор Восточного института, вернулся в Петербург, став одним из руководителей Общества востоковедения и получив высокую должность в совете Министерства народного просвещения. Именно он рекомендовал в качестве преемника своего младшего брата.

Как подчеркивалось в Положении Восточного института, он имел своей целью «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих государств» (А. Хисамутдинов). Д. Позднеев как никто другой понимал, какие сложные задачи стояли перед студентами, которым в короткий четырехгодичный срок предстояло освоить два восточных языка.

Судя по хранящемуся в фонде РНБ «Письму о Восточном Институте», написанному в ходе полемики со студентом Проломовым по вопросу об организации учебного процесса, между Д. Позднеевым и студентами существовали серьезные разногласия. Как пишет сам Позднеев, его безосновательно обвиняли в том, что он не признавал нужной автономии, поскольку, по его мнению, она будет мешать «изучению восточных языков». Отвечая на несправедливые обвинения, Д. Позднеев пишет, что «тяжесть предмета, обязательность занятий, отсутствие совершенно естественного стремления студентов к изучению других общеобразовательных предметов ставит институт и учащихся в нем в совершенно исключительное положение. Институт является монастырем, причем учащиеся в нем принимают на себя обеты для достижения свободно поставленной ими пред собою цели» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 3., л. 2). Отметим, что студенческое недовольство ранее вызывали и требовательность и властность А. Позднеева, которого студенты признавали «выдающимся монголоведом», но считали «администратором старой школы, капризным и тяжелым стариком, душившим всякое свободное проявление организованного студенческого общения как между собой, так и с профессорами» (А. Хисамутдинов). По-видимому, Д. Позднеев, не разделявший революционные настроения студентов, продолжал жесткую линию своего старшего брата. Степень конфронтации со студенчеством становится понятна из рассказа самого Позднеева, записанного в дневниках Николая Японского⁸: «Из собора после Обедни зашел ко мне директор Восточного института во Владивостоке... рассказывал про возмущение студентов института возмутительные вещи, что они, ворвавшись к нему, мерзко ругали его и оплевали» («Я здесь совершенно один русский», 2002, с. 195).

Д. Позднеев возглавлял институт около полутора лет, в 1905 г. он уехал в отпуск в Японию, откуда по болезни не вернулся в срок и подал прошение об отставке. Как предполагает Ю. Михайлова, сложные отношения со студентами, а также смерть первой жены в августе 1905 г. повлияли на решение Д. Позднеева, давно мечтавшего заняться изучением Японии, остаться там (Михайлова, 2010).

Он провел в Японии пять лет. По словам Николая Японского, хорошо лично знавшего Д. Позднеева, по приезде тот, «не стесняясь своим ученым званием, сел на ученическую скамью регулярной школы, открытой японцами для иностранцев, желающих изучать японский язык, а дома окружил себя японскими учебниками и учителями. Результатом этого было то, что через год он правильно заговорил по-японски...»

⁸ Архиепископ Николай Японский (в миру И.Д. Касаткин) (1836–1912) — российский миссионер, основатель Миссии православной церкви в Японии. Прибыл в Японию в 1861 г. и оставался в ней вплоть до своей смерти в 1912 г., лишь несколько раз выезжая в Россию. Был причислен к лику святых в 1970 г.

(РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 176. Письмо от 1 декабря 1908 г. А.Н. Шварцу, тогдашнему министру народного просвещения). Д. Позднеев закончил открытую американскими миссионерами «Japanese language school for foreigners», во главе которой стоял Мацуда Исао, чей учебник разговорного языка до сих пор продается в букинистических магазинах. И не только быстро овладел японским языком, но и решил приступить к созданию учебных пособий, нехватка которых остро ощущалась еще в годы его работы в Восточном институте. Вернемся вновь к цитировавшемуся письму Николая Японского, который подчеркивал, что «в продолжение того же года [Позднеев] разработал по японским источникам и издал Географически-статистический очерк Японии и японскую историческую хрестоматию...» (там же).

За пять лет, проведенных Д. Позднеевым в Японии, им были созданы самые значительные труды, дающие полное основание называть его «первым японоведом-профессионалом» (Алпатов, 1991, с. 311).

Только в 1906 г. им было издано несколько очень значительных работ, заложивших основы методики преподавания японского языка. Во-первых, он опубликовал «Программу начального изучения японского языка» (1906), за которой последовали «Японская историческая хрестоматия» (1906), «Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке» (1907–1908), «Японский письмовник» (1909), позднее к ним добавились «Японская газетная хрестоматия» (1911) и «Сборник высочайших указов и официальных и частных общеупотребительных документов» (1914). Фактически все эти пособия соответствуют необходимым для изучения аспектам языка, которые и до сих пор признаются актуальными в методике преподавания иностранного языка. В их основе лежали большей частью японские справочные издания и учебники, снабженные комментариями автора и переводами на русский язык (подробнее см.: Михайлова, 2010).

Всем этим пособиям предшествовал обстоятельный географически-статистический очерк Японии, в котором автор систематически изложил сведения по географии, административному делению, населению, административной системе страны. Во введении подчеркивается, что книга «предназначается в пособие главным образом для тех лиц, которые начинают изучение Японии не по одним только европейским источникам, но и японским» (Позднеев, 1906, с. V). Заметим, что Д. Позднеев находился в стране немногим больше года, но среди использованных им источников числятся не только англоязычные японские справочники и официальные издания различных японских министерств, но и статьи японских авторов, написанные по-японски. Для удобства читателей в работу «вставлены по возможности повсюду иероглифы» (т.е. в географических названиях, собственных именах и пр.). Это великолепный образец первого из целого ряда подобных справочных изданий, подготовленных Д. Позднеевым и дающих помимо чисто географических сведений представление о синхронном состоянии политического устройства страны. Позднее схожие по тематике издания, но уже с большим уклоном в экономику и военное дело, составлялись им в послереволюционное время.

«Программа начального изучения японского языка», изданная Обществом востоковедения, открывается пассажем, в котором Д. Позднеев обосновывает японистику как дело государственной важности. Приведем этот параграф полностью.

«Вопрос об изучении японского языка представляет собою в настоящее время особый интерес для России. Сблизившиеся с Японией войною, мы должны понять, что эта страна достойна изучения, и нужно думать, что повсюду возникнет у нас теперь желание познакомиться со своею победительницею не из одних только

вторых и третьих рук, путем чтения разного рода переводных сочинений, а на основании первоначальных источников, написанных на японском языке самими японцами; русские захотят ныне говорить с японцами на их родном языке, читать их газеты и журналы, слушать их парламентские речи или знакомиться с ними по полным их официальным изданиям, знать историю и литературу японцев и дать себе отчет в том своеобразном и загадочном строе их жизни, который создает во всем свете одновременно и страстных поклонников, и не менее горячих противников Японии» (Позднеев, 1908, Программа..., с. 3).

«Программа», предназначенная для «всех лиц, интересующихся изучением японского языка в России», по существу была посвящена разбору программы токийской школы Мацуда Исао для иностранцев, в основу которой вошли положения программы американского миссионерского комитета, разработанной при участии лучших иностранных знатоков японского языка. В ней Д. Позднеев рассказывает о необходимых для изучения аспектах языка, дает разбивку курсов по годам обучения, перечисляет основную учебную литературу.

Знаменательно, что в преамбуле Д. Позднеев касается вопроса о том, какой язык необходимо изучать — устный или письменный, и отвечает на этот актуальный для того времени вопрос словами почитаемого им профессора японского языка и филологии Токийского университета Б.Х. Чемберлена (1850–1935) о том, что в японском языке «система письменности в значительной степени и есть язык; самый язык и способ, которым туземцы излагают его в письме, нераздельно соединены здесь вместе» (там же, с. 4).

В списке имеющихся словарей (всего 14 наименований) приводятся три русско-японских словаря. Два из них — «Полный русско-японский словарь», исправленный и дополненный Ц. Фурукава (Токио, 1903), и «Карманный русско-японский словарь» З. Такасу (Токио, 1905), который «для русских недоступен вследствие отсутствия чтений иероглифов» (Позднеев, 1908, Программа..., с. 26). «Единственный японско-русский словарь» К. Фтацубаси (Токио, Осака, 1904) заслуживает звание «единственного» по подбору неприличных слов и варварскому русскому языку. Можно искренне пожалеть занимающихся по этому словарю японцев, так как они научатся ужасному русскому языку (там же, с. 26).

Этот фрагмент, как нам кажется, показывает, почему Д. Позднеев взялся за составление «Японо-русского иероглифического словаря», ставшего первым русским словарем и принесшего славу его создателю.

«Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе)» «служит, по мысли автора, дальнейшим звеном в серии составляемых им пособий к ознакомлению с языком, страной и письменностью „Земли обильных полей риса в равнине роскошного тростника“» (Позднеев, 1908. Японо-русский иероглифический словарь, с. 1).

Он содержит 4200 основных иероглифов и около 30 тыс. сочетаний из нескольких иероглифов. По словам Д. Позднеева, только овладевший иероглифами «может считать себя японологом», поэтому в качестве введения к словарю предпослано исследование о японской письменности (127 страниц), дающее читателю возможность получить ясное и полное представление об истории и особенностях японской письменности. Особо отметим, что в рамках этого введения помимо простейших начертаний знаков слоговой азбуки приведены и «витиеватые узорчатые рисунки для каждого из слогов, известные под именем хэнтайганы». Он приводит 124 варианта начертания хэнтайганы. Отметим, что это единственный отечественный словарь, который дает таблицу хэнтайганы. Поскольку хэнтайгана представляет собой сокращенные скоро-

писные начертания иероглифов, Д. Позднеев подчеркивает важность овладения скорописным письмом, без знания которого невозможно читать не только рукописи, но и обычную корреспонденцию. Поэтому особую ценность словарю придает таблица III из приложения, озаглавленная «Пропись основных иероглифов словаря в правильном начертании и скорописи». Помимо этого, в приложении даны неправильные начертания иероглифов, сокращенные формы, иероглифы японского происхождения, указатель трудно отыскиваемых иероглифов (всего 7 таблиц). Словарь снабжен также указателем провинций и областей, префектур, уездов и пр. Увесистый том почти в две тысячи страниц до сих пор не имеет себе равных и по-прежнему является настольной книгой для тех, кто занимается изучением традиционной культуры Японии. Конечно, современному читателю доступны японские словари скорописи, всевозможные справочники, интернет. Но, повторюсь опять, среди созданных на сегодня иероглифических словарей, включая и блистательный иероглифический словарь Нельсона «The Modern Reader's Japanese-English Character Dictionary» by Andrew N. Nelson, нет ни одного, который мог бы соперничать со словарем Позднеева по тому, как он дает представление о японской письменности. Справедливости ради отметим, что идея включить в словарь таблицу хэнтайганы была позаимствована из экзаменационных требований Британской ассоциации в Японии, отсылавших учащихся к Brinkley's Japanese-English Dictionary, откуда и была взята сама таблица (Позднеев, 1908. Материалы..., с. 159–166).

В списке использованной литературы приведено 41 наименование, в числе которых не только словари, но и различные пособия и работы по иероглифической письменности.

Подготовленные Д. Позднеевым пособия сразу нашли практическое применение в Японии — по ним учились русские мальчики, командированные дальневосточными властями, в духовной семинарии православной Миссии в Токио (подробнее см.: Позднеев, 1908. Обучение японскому языку..., с. 118–137). Однако в России эти издания приветствовались далеко не всеми. Так, неприятный скандал разгорелся вокруг «Японской исторической хрестоматии». Бывший коллега по Владивостоку профессор японской словесности Е.Г. Спальвин опубликовал в «Известиях Восточного института» резкий критический разбор хрестоматии, который начинал словами: «Достоинно глубокого сожаления, что уважаемое Общество Востоковедения в Санкт-Петербурге изданием книги г. Дмитрия Позднеева попало в впросак и лиц, желающих изучать японский язык, невольно вводит в заблуждение» (Спальвин, 1908, с. 5). Спальвин разослал свой критический очерк большому кругу лиц в Японии, чем доставил много неприятных минут Позднееву, тот был вынужден дать развернутый (в 97 страниц) «Ответ на критический разбор „Японской исторической хрестоматии“» (Позднеев, 1909). В нем он подробно и взвешенно ответил на каждое замечание, аргументировав свои переводы и комментарии. В основе этого конфликта, по-видимому, лежали личные отношения, поскольку ничем иным невозможно объяснить недопустимый в научном споре «хамский» и оскорбительный тон, в котором был написан текст Е.Г. Спальвина (подробнее см.: Михайлова, 2010). Впрочем, процитируем самого Д. Позднеева, который в письме старшему брату, А. Позднееву, пишет: «Этот пасквильный инцидент, конечно, создал много неприятностей. Однако если бы Спальвин не переусердствовал и не придал бы критике такого пошлого внешнего вида, то он нанес бы мне гораздо большего вреда, нежели теперь. Я не отрицаю, что историческая хрестоматия как первая моя работа является слабой, однако же в ней нет и тени тех пошлостей, которые приписывает мне Спальвин... его критика полна грубейших ошибок» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 141).

В защиту ученого выступил архиепископ Николай Японский, в семинарии которого велось преподавание японского языка русским воспитанникам из Хабаровска и Харбина по пособиям Д. Позднеева. В письме тогдашнему министру народного просвещения А.Н. Шварцу о том, кому из русских специалистов можно было бы поручить составление японских учебников, он писал: «Он [Позднеев] обладает и достаточным авторским талантом, и достаточным аппаратом солидной эрудиции, чтобы смело взять на себя это в высшей степени важное дело — всестороннее ознакомление России с Японией — и успешно исполнить его. Нужно считать счастливым обстоятельством то, что он поселился в Японии. Пусть же он проживет здесь многие годы, и результатом того, кроме японских учебников, пусть будет много прекрасных книг об Японии, знакомящих Россию с ее многовековой историей и с ее настоящим бытом во всех отношениях» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 181. Письмо от 1 декабря 1908 г.).

В годы своего пребывания в Японии Д. Позднеев не только занимался изучением японского языка, но и, состоя на службе в Санкт-Петербургском телеграфном агентстве, регулярно печатался в русских газетах и журналах.

Он был обеспокоен тем, как плохо и мало знают Японию в России. В историческом очерке русско-японских отношений ученый писал: «Если мы сравним степень изучения Японией России и Россией Японии, то легко увидим перевес на стороне первой. Япония знакома с Россией очень глубоко. Наша история, литература, география, общественный строй, политические темы, экономическая и финансовая жизнь освещаются в Японии постоянно, как в отдельных обширных трудах различных авторов, так и в текущей периодической печати. Число лиц, владеющих японским языком в России, неизмеримо меньше, чем число японцев, умеющих читать, писать и говорить по-русски... В школах живых языков в Токио русская кафедра занимает одно из видных мест» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 30. л. 2).

Специалистов, знающих японскую жизнь, было крайне мало, и в русской прессе часто появлялись безграмотные некачественные статьи, авторы которых никогда не бывали и ничего не знали о Японии. Нужны были люди, которые могли бы снабжать русскую прессу компетентными и достоверными публикациями. Одним из таких людей был Д. Позднеев, печатавшийся под своей фамилией и под разными псевдонимами (Димма, А. Новый, Альцестъ, Б. Орловский, В. Севский, М. Дмитриев и др.).

Нельзя не упомянуть о еще одном поле деятельности Д. Позднеева. После поражения в русско-японской войне Россия начала осознавать необходимость сбора информации об одержавшей победу Японии, чтобы выяснить реальную мощь ее военной армии и планы на ближайшее будущее. С этой целью в Японию в качестве военного агента⁹ был отправлен полковник Генерального штаба В.К. Самойлов. Он считал, что опасность новой войны с Японией сохраняется, полагая, что Япония вторгнется в Китай, а затем с его помощью вытеснит Россию с берегов Тихого океана (Подалко, 2004, с. 81–86). Для подтверждения этих предположений нужна была информация. Пытаясь наладить агентуру, он присматривался и к тем своим согражданам, кто подолгу жил в Японии. Число таких людей было невелико — в 1907 г. всех русских «числилось 194 человека», при общем количестве иностранцев в Японии в 18 909 душ (Позднеев, 1911, с. 3). Его интерес привлекла фигура Д. Позднеева, имевшего опыт государственной службы на Дальнем Востоке и слывшего большим знатоком региона. Далее процитируем слова отечественного исследователя П.Э. Подалко: «Генштаб известил Самойлова, что было бы желательно привлечь к агентурной работе Позднеева. Со своей стороны, Д.М. Позднеев не отказывался от сотрудничества (хотя и предупреждал, что секретные сведения сообщать не может)» (Подалко, 2004, с. 99).

⁹ Военный агент — совр. военный атташе.

По-видимому, услуги Позднеева были востребованы, поскольку в одном из писем русского посла Н.А. Малевского-Малеви́ча в столицу, ходатайствуя об оставлении Позднеева корреспондентом Петербургского телеграфного агентства, он подчеркивал, что «только при такой постановке дела осведомительная служба... агентства может принести действительную пользу русским интересам в Японии» (там же, с. 99).

Согласие Позднеева сотрудничать с военным атташе, по-видимому, было связано с его представлением об интересах России, которые он лично считал важными. Прочитав его собственные рассуждения, которыми он делился в письме с братом своей второй жены. Вот что он писал: «Как Вы, вероятно, уже знаете, я — фанатик идеи изучения Востока. Я признаю это изучение безусловно необходимым для блага России» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 371). И далее: «Я не знаю Ваших политических убеждений. Я сам принадлежу к центру, а работаю с правительством, так как только оно у нас заботится о дальневосточном вопросе» (там же, л. 376). Этот же мотив государственной значимости исследования стран Дальнего Востока многократно повторяется в различных работах ученого.

Помимо иероглифического словаря, ставшего своего рода визитной карточкой исследователя, в Японии было создано, пожалуй, самое значительное сочинение Д. Позднеева — «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России». Идея написания столь обширного труда родилась из поиска темы для написания диссертации. В одном из писем старшему брату, А.М. Позднееву, он писал: «Я нашел тему животрепещущую, совершенно новую, полную громадного интереса и огромной государственной важности для России. Она может быть названа так: „История отношений России и Японии до 1868 г. по японским источникам“. Я отыскал довольно редкую книгу под заглавием „Материалы для истории острова Хоккайдо в связи с японо-русскими отношениями“. Книга имеет около 700 страниц мелкого письма и представляет собою изложение всех событий и документов отношений к России. Ты не можешь себе представить, какой громадный интерес в этих материалах. Начинаются они с древнейших, приблизительно со II века по Р.Х. отношений Японии к Восточной Сибири. Идет краткий обзор целой вереницы сменяющихся государств, изложение путешествий японцев, их движение на север на Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова, столкновение здесь с русскими и туземцами на Курильских островах, причем имена наших промышленников тогдашней Русско-Американской компании выписываются полностью. Дальше идут показания дословные и документальные японцев, уносившихся волнами на наши берега и возвращающихся через несколько лет на родину, их дневники, приемы сёгунов, допросы властями, тогдашние сведения японцев о Сибири, Иркутской Русско-японской школе, о войсках в Сибири и пр. После этого приходят русские послы в Японию. Все, что делалось с японской стороны и в Японии по поводу их прихода, изложено документально, допросы привозившихся ими японцев записаны протоколами. Картина перед глазами открывается совершенно необычная. В 1812 г. уже существовал проект о нападении на Восточную Сибирь. Был даже проект отправить экспедицию на Петербург с тем, чтобы все участники ее в случае неудачи покончили самоубийством, и т.д. и т.д. Уже из описанного ты видишь, какой это огромный материал и какой переполох низведет эта книга. Уже в течение полугода я занимаюсь ею ежедневно. В настоящее время у меня написано свыше 300 страниц голых переводов с японскою машиною в полулиста величиною. И мне кажется, что если я ее окончу и издам, то в степени магистра мне не откажут. Дело только в том, чтобы ее выполнить. Выполнить же эту работу не легко, особенно потому, что мне не достаточно знать только одну японскую сторону дела, но необходимо по возможности познакомиться с русскими источниками. По-

следних же здесь под руками у меня почти нет. Насколько я видел по встречавшимся источникам, русские данные в большинстве случаев разбросаны по журналам или не очень старым изданиям, почему и достать их будет очень трудно» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 138–140. Письмо датировано 12 ноября 1908 г.).

Речь идет о работе Окамото Рюносукэ (1852–1912) «Нитиро косё: Хоккайдо сико» («История Хоккайдо: переговоры между Россией и Японией», 1898), которую в свое время порекомендовал Д. Позднееву его бывший соученик по Киевской духовной академии, православный японец Симеон Мии (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 383. Письмо от 16 января 1910 г., адресованное отцу Симеону).

Грандиозная по масштабу, по количеству используемых японских документальных источников, книга Позднеева до сих пор не утратила своей актуальности и остается востребованной историками. Впрочем, он и сам осознавал важность своего труда. «Я думаю, однако, что существенно важно делать данную работу без всякой огласки. Она слишком велика по своему значению, чтобы о ней можно было говорить попусту... таким образом, дело трудное, но зато его выполнение уже раз навсегда установит мою репутацию», — пишет он в письме к брату (там же, л. 140).

Однако появление и этой работы не прошло гладко. В письме владыке Николаю от 31 января 1910 г. он писал: «Едва я опубликовал свою книгу, как уже начались терния. Я сознаю ее громадную важность, и это сознание дало мне силы так работать над нею, как я работал и как Вы, один из 150 миллионов русских, в состоянии оценить. Мне сообщают уже, что про книгу говорят, что она представляет собою только обработанные „материалы“, не имеющие никакого значения. При нашей малоосведомленности и незнании, если такие взгляды распространяются, то работа может быть дискредитирована совершенно, по крайней мере на время, т.е. именно тогда, когда мне придется на нее опираться и говорить о необходимости изучать Японию» (там же, л. 387). В этом же письме: «Позволю себе обратиться к Вам со слезною просьбой, которую излагаю не ради своих личных выгод, а исключительно ради пользы дела и блага родины» (там же, л. 386).

Позднеев был пионером не только в изучении установления русско-японских отношений, но и в области истории изучения японского языка в России. Ему принадлежит одна из первых публикаций о первой школе японского языка в России, инициированной Петром I. Хотя сегодня достоверность существования этой школы до 1736 г. подвергается сомнению, небольшая историческая справка, как ее озаглавил сам автор, содержит интересные факты (Позднеев, 1908. Историческая..., с. 157–158).

Возвращение в Россию после пяти лет, прожитых в Японии, было сопряжено с неизвестностью дальнейшей судьбы. В письме брату он сетовал: «Не могу сказать, чтобы ехал я к вам [в Россию] с удовольствием, так как не жду от вас в Петербурге ничего, кроме плевков и холода, не физического, а нравственного, который преследует меня 4 года, но ехать все же неизбежно» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 384. Письмо А.М. Позднееву от 15 января 1910 г.). Он не любил Петербург, «всегда был готов бежать из него хоть на край света» и предпочитал ему Киев, но отдавал себе отчет, что «беда нашей специальности именно в том, что приходится искать работы именно или в Петербурге, или на краю света» (там же, л. 404. Письмо племянникам от 14 апреля 1910 г.). К тому же возникло неожиданное осложнение: «Встретилось формальное затруднение: у меня, видите ли, нет зачетных восьми семестров и государственных экзаменов по этому предмету. Нет их по той причине, что их не существует до селе в Университете. Но все же по уставу допускается к магистерским экзаменам только тот, кто имеет зачетных восемь семестров и сданные государственные экзамены именно по данной дисциплине, т.е. в настоящем случае по японскому языку»

(там же, л. 389). В конечном итоге он был допущен к сдаче. В Петербурге он получил приглашение Императорского общества востоковедения занять место преподавателя японского языка в Практической восточной академии, директором которой в 1910 г. стал А.М. Позднеев. Он проработал там до 1917 г., и среди его учеников были впоследствии такие выдающиеся японоведы, как Н.И. Конрад и Е.Д. Поливанов. Специально для этого учебного заведения он разработал несколько учебных пособий, сохранившихся до наших дней. Это «Япония. Общий очерк страны» (Позднеев, 1911), дающий представление о географии, истории, политической организации, промышленности, особенностях быта и пр. Каждый раздел был снабжен библиографией и нацелен на ознакомление учащихся с жизнью современной ему Японии. Тогда же он подготовил «Граматику разговорного японского языка», которую читал в 1910–1911 гг. О востребованности этой книги говорит тот факт, что в письме Н.И. Конраду от 1 декабря 1913 г. на просьбу последнего прислать ему некоторое количество экземпляров он пишет: «...относительно грамматики разговорного языка должен сказать, что она вышла вся, но так как на нее мне отовсюду поступают требования, очевидно, ввиду ее краткости, сконцентрированности и практической пригодности для школ, то я занят в данный момент ее пересмотром и думаю, что через неделю буду в состоянии отдать ее в литографию» (Хохлов, 2000, с. 235). Тогда же в печать была отдана «Японская газетная хрестоматия», которую «предполагаю читать со студентами. Коллекция текстов очень полная: я подбирал ее два с лишним года» (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 395); вскоре появилось «Пособие к изучению японского официального языка». В фондах РНБ хранятся подготовленные тогда же лекции по новой и новейшей истории Дальнего Востока (637 с.) для Практической восточной академии (там же, ед.хр. 75 и 73).

Преподавательская работа, видимо, увлекала Д. Позднеева, он отдал ей много лет жизни, хотя и признавался сам, что «для меня в течение всей моей жизни была важна не аудитория, а своя комната и библиотека» (там же, ед.хр. 117, л. 405).

Вернувшись в Россию, он не отказался от своей журналистской работы. С мая 1911 по сентябрь 1912 г. он состоял старшим редактором Санкт-Петербургского телеграфного агентства. На 1912 г. падает и его сотрудничество в «Бюро русской печати», в бюллетенях которого им были помещены около 100 статей. В ноябре 1912 г. он открыл «Бюро русских журналистов» для обслуживания публицистическими статьями провинциальной прессы, редактором и издателем которого он и был. Он пишет для него статьи по вопросам Азии и вообще по вопросам русской и иностранной общественной жизни — до 1914 г. там было помещено свыше 600 статей. Бюро просуществовало до 1917 г. В феврале 1913 г. по предложению совета Императорского общества востоковедения он взял на себя обязанности редактора ежемесячного журнала «Мир ислама», выходившего в 1912–1913 гг. В десятом выпуске журнала за 1913 г. была помещена его статья «Мусульманство в Китае», фактически являвшаяся обзором работы известного британского миссионера в Китае Маршалла Брумхолла (1866–1937) “Islam in China, a Neglected Problem (Позднеев, 1913, с. 684–699).

В 1912 г. в Японии скончался архиепископ Николай Японский. На заседаниях Императорского общества востоковедения Д. Позднеев произнес 26 и 29 февраля две речи, посвященные памяти почившего. Обе речи были сведены в одну статью, напечатаны в «Церковных ведомостях» и выпущены отдельной брошюрой.

«Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика)» (1912) относится к числу наиболее значимых и ценных источников, рассказывающих о деятельности Николая Японского и основанной им Православной Миссии в Японии. Д. Позднеев начинает статью словами: «Умер крупнейший русский государственный

деятель, который в течение 50 лет, никем не побуждаемый, по одному только собственному стремлению, по одной личной инициативе являлся проводником неотделимых от России православных начал и после долгих испытаний и трудов стяжал, наконец, официальное признание даже со стороны бывших наших врагов величия своей работы» (Позднеев, 1912, с. 1). Хочу особо обратить внимание на слова «русский государственный деятель», которые, на мой взгляд, являются ключевыми. В главе «Деятельность архиепископа Николая в области сближения Японии и России» он пишет: «Отдав свою жизнь просвещению Японии христианством, архиепископ Николай вместе с тем оставался горячо любящим сыном своей родины... он не мог остаться и никогда не оставался безучастным к вопросу о сближении между Японией и Россией» (там же, с. 31). Именно служение интересам своей страны считает Д. Позднеев главной заслугой Николая Японского и, как мне кажется, в этом же видит смысл и своей деятельности. Стремление отстаивать государственные интересы своей державы и трудиться «во славу России» объясняет многие страницы биографии Д. Позднеева.

Очерк о Николае Японском интересен не только богатством фактического материала, но и тем, что в нем четко и ясно формулируется та сверхзадача, которую преследовала миссионерская деятельность Николая Японского. Рассматривая миссионерство как одну из форм движения европейской культуры, Д. Позднеев пишет, что и для России будет хорошо, «чтобы соседка ее сделалась единой с ней. Это, несомненно, закрепит самую прочную связь между народами и даст возможность многим и многим векам идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга» (там же, с. 32).

Пожалуй, ни в одной другой работе о Николае Японском эта мысль не выражена с такой откровенной прямоотой.

После революции 1917 г. в жизни ученого произошли перемены. Во-первых, уехал из столицы часто преследуемый новыми властями его старший брат и задушевный друг, известный ученый-монголист А.М. Позднеев. Он вместе с семьей переехал в Новочеркасск, где жила семья среднего брата, Владимира Позднеева, некоторое время работал в Донском университете в Ростове-на-Дону, но вскоре скончался, переболев сыпным тифом (подробнее см.: Войтов, Тихменёва-Позднеева, 2001). Сам Д. Позднеев с 1917 по 1923 г. трудился в Петроградском университете, где читал курсы по экономике и истории Японии и Китая. С осени 1923 г. начал преподавать японский язык в Военной академии РККА (позднее академия им. Фрунзе) в Москве, куда ездил каждую неделю.

К сожалению, советский период жизни Д. Позднеева плохо документирован. Архив Позднеевых, по всей видимости, поступивший в РНБ после реабилитации в 1957 г., содержит мало документов личного характера, датированных после 1917 г. Зато хранящиеся в архиве рабочие материалы и рукописи Д. Позднеева красноречиво свидетельствуют о том, что в 20–30-е годы он больше работал в стол, видимо, не имея возможности публиковаться так же часто, как раньше. Во всяком случае, одна из отличительных особенностей этого ученого, умевшего превращать в формат научной статьи результаты любой проделанной им работы, больше не была востребована.

Единственными достоверными источниками, рассказывающими о его жизни и деятельности в этот период, остаются небольшие по объему воспоминания внучки Д. Позднеева, не очень многочисленные книги, которые были изданы в основном в 20-е годы, и уже упомянутые материалы из рукописного отдела РНБ.

Начнем с рассказа внучки, Н.Г. Кабановой.

«Однако постепенно усиливается процесс вытеснения старых специалистов новыми партийными кадрами, в учебных планах фундаментальные дисциплины заменяются новыми — общественно-политическими. Д.М. Позднеев очень тяжело реагирует: „Нелепо это при нынешнем положении дел на Дальнем Востоке“, — пишет он. Материально жизнь порой становится невыносимой (у него большая семья). Дмитрий Матвеевич хватается за любую работу: читает лекции в рабочих и армейских аудиториях, пишет статьи в популярные серии брошюр¹⁰, состоит консультантом Музея этнографии, оказывает помощь различным организациям по вопросам экономики Китая и Японии. Еле сводя концы с концами, он вынужден даже редактировать журнал... „Арматурное дело“. А любимая работа, русско-японский словарь и другие замыслы, увы, откладывались» (Кабанова, 1990. Дмитрий Позднеев..., с. 42).

А теперь обратимся к тем книгам, которые были опубликованы в советское время. В основном это описания современной Японии справочного толка. Это и «Япония. Военно-экономическое описание» (1924), и выпущенная годом позже «Япония. Страна, население, история, политика» (1925). Великолепно написанные книги, содержащие огромное количество фактического материала по этнографии, истории, политике и экономике страны, по словам редактора одного из изданий, дают «сжатые, но отчетливые ответы» на все «вопросы о претензиях Японии на роль повелительницы Тихого океана, несмотря на наличие там такого конкурента, как Северо-американские Соединенные Штаты» (Позднеев, 1925, с. 4). Несмотря на политическую направленность, обе книги представляют собой высокопрофессиональное описание страны. Особо отметим, что выпущенная в 1925 г. книга содержит подробный очерк о землетрясении 1923 г. и его последствиях для экономики страны, основанный на прекрасном знании современных японских источников. В целом эти труды построены по уже опробованному ученым лекалу, впервые использованному в его ранней работе «Япония. Географически-статистический очерк».

И все же приметы новой эпохи заметны. В первые послереволюционные годы ученый, по-видимому, пытался встроиться в «новую» жизнь. Он печатался в «Записках научного общества марксистов», в журнале Научной ассоциации востоковедов «Новый Восток», выходившем с 1922 по 1930 г.

Обратимся, к примеру, к его статье «Революция в изучении Дальнего Востока в СССР за десятилетие». В ней явственно звучит новая риторика: изучение Дальнего Востока «является следствием общерусской революции и распространяет принципы последней на исследуемый предмет» (Позднеев, 1927. Революция..., с. 67). Однако, несмотря на провозглашенный тезис о «революционном преобразовании научного подхода», сам автор старается придерживаться своих прежних принципов научной работы. К примеру, в его статьях о проникновении западного торгового капитала на Дальний Восток содержится в высшей степени интересный рассказ о деятельности первых европейцев на Востоке, а марксистский подход дает о себе знать только в утверждении о том, что «коммерсант и пират оказываются почти синонимами»¹¹. Другая статья — «Трудности изучения китайской революции» — заявляет о необходимости «освещения китайской революции с марксистской точки зрения». В ней говорится о появлении «новой экономической литературы о Китае», в которой при-

¹⁰ Что объясняет появление такой «непрофильной» работы, как небольшая книжка «Сибирь и ее богатство», выпущенная в Ленинграде в 1927 г.

¹¹ Две части статьи «Проникновение западного торгового капитала на Дальний Восток» были опубликованы в «Записках научного общества марксистов» за 1928 г. № 1 и 3.

нимают участие лица, «пользующиеся некоторыми указаниями Карла Маркса и В.И. Ленина» (Позднеев, 1927. Трудности, с. 120). При этом она содержит убийственную критику современных востоковедных работ. Приведем здесь один фрагмент из этой статьи, дающий весьма наглядное представление о манере и стиле самого Д. Позднеева и о его отношении к современной ему науке.

«Тот же Вл. Виленский подарил нам труд по вопросу о Тихоокеанской проблеме: Кайиро Сато. „Япония и Америка в их взаимных отношениях“»¹². Перевод с японского. — Начать с того, что для всякого хоть бы немного знакомого с японским языком совершенно ясно, что перевод сделан не с японского, а с английского, так как все искажения собственных имен — английские. Но ни переводчик, ни редактор не оказались в состоянии справиться и с английским переводом брошюры Сато. И мы имеем здесь такой перл:

«Автор предпринял пробный шаг к этой моральной мобилизации в виду надвигающейся войны с Америкой и, удалившись в Индию и сосредоточив свой ум, он заполнил манускрипты этой книги в десятилетний срок».

Для чего генералу Сато понадобилось ехать в Индию, чтобы написать брошюру в 140 страниц, ведает только Аллах. Полагать, что этому популярному борзописцу из Японии нужно было 10 лет, чтобы написать брошюру, значит недооценивать его дарования. Но суть в том, что ген. Сато ни в чем этом не повинен. Во-первых, в Индию он совершенно не ездил, а выехал только в „Инагэ“... Во-вторых, в тексте сказано, что в Инагэ [он] прожил не десять лет, а только десять дней — срок, совершенно достаточный для такого журналиста, как Сато, чтобы написать брошюру в 140 страниц» (там же, с. 122).

Заканчивается эта статья словами о том, что «перечень и анализ подобных промахов и недочетов в русском китаеведении можно было бы продолжать без конца. Они представляют в нашей литературе явление массовое, и задача изжить их далеко не легкая... Исторические факты вырываются из хронологической связи и произвольно бросаются в любые даты. При таком положении дела освещение китайской революции с марксистской точки зрения будет зданием, построенным на песке» (там же, с. 128).

По-моему, эти слова красноречиво свидетельствуют о том, как чувствовал себя в новой реальности профессор Д. Позднеев.

Беглое знакомство с программами некоторых курсов, которые в послереволюционное время читал ученый, и с темами докладов его студентов убеждает в том, что он вел преподавательскую работу в соответствии со своими профессиональными убеждениями, а не требованиями и веяниями новой «революционной» науки.

В 1926 г. Д. Позднеев отправился в шестимесячную поездку по Китаю «для собирания материалов по пересмотру моей книги о Маньчжурии и возобновления данных о стране и о Китае», как сообщал он сам в беседе с японским послом Танака. Эта страница его биографии подробно освещена китаистом В.Н. Усовым в его монографии «Советская разведка в Китае в 20–30-е годы XX века». По словам исследователя, «параллельно с этим он [Позднеев] выполнял просьбу советских разведывательных органов оценить ситуацию в Китае и в Маньчжурии и „прощупать“ позиции Японии, ее отношение к Англии. Человек со знанием китайского, японского и английского языков, обладающий аналитическим умом, издавший множество статей и книг по

¹² Речь идет о работе: *Сато Кайиро*. Япония и Америка в их взаимных отношениях. Мысли японца. Пер. с япон. Вл. Виленского (Сибирякова). М.–Пг., 1924.

Японии и Китаю, имеющий большой вес в научном мире и лично знакомый со многими зарубежными ориенталистами, несмотря на его возраст, понятное дело, мог оказать большую помощь разведывательным органам в Москве, находящимся в тот период в сложном положении. Проезжая по всей Маньчжурии и встречаясь со многими русскими, китайцами и японцами, Д. Позднеев внимательно присматривался к ситуации в Китае, к переменам, которые произошли там за последние годы. По приезде в Пекин он отправляет несколько отчетов и записей бесед, а также материалы по Маньчжурии в качестве приложения к отчетам» (Усов, Советская разведка..., электронный ресурс).

Не располагая никакими архивными материалами, можно только предположить, что сотрудничество с разведывательными органами было следствием не только «государственных интересов» Д. Позднеева, полагавшего, что Япония намеревается развязать войну против СССР, но объясняется и более прозаическими причинами — его преподаванием в Военной академии РККА. Во всяком случае, его секретные донесения были адресованы помощнику начальника Разведывательного управления Штаба РККА А.М. Никонову.

Во время путешествия Д. Позднеев в августе 1926 г. в Цзинаньфу был схвачен в гостинице «нечаевским» белогвардейским отрядом, закован в кандалы и брошен в тюрьму. «Новая шанхайская газета» от 17.10.1926 г. писала: «5 августа, ввиду продолжавшегося нездоровья профессора Позднеева, его преклонных лет¹³, тюремщики сняли с него кандалы» (Кабанова, 1990. Дмитрий Позднеев..., с. 42). Этот инцидент освещался в советской прессе. Советское правительство потребовало освобождения Д. Позднеева. Вскоре за отсутствием улик и в результате дипломатических усилий он был освобожден (Усов, 2005, с. 107).

Поразительно, но на протяжении всей своей жизни Д. Позднеев неустанно повторял, что необходимо лучше и внимательнее изучать своего соседа Японию. Он писал об этом и в своих воспоминаниях о Николае Японском, где сетовал, что «Россия, пока не грянул гром, не желала знать Японии, не хотела ее изучать и не придавала ей никакого значения. Открывшие России глаза на Японию „Записки флота капитана Головнина“, бывшего полтора года в плену у японцев, оставались никому не известными. Поданное покойным академиком В.П. Васильевым еще в 70-х годах [XIX в.] представление в Министерство народного просвещения о необходимости открытия на факультете восточных языков кафедры японского языка лежало без движения. Географическое общество не командировало в Японию ни одной экспедиции. Драгоманских штатов при японской дипломатической миссии почти не существовало. В Военном министерстве не было ни одного специалиста по японскому языку» (Позднеев, 1912, с. 32). С тех пор прошло полтора десятка лет, в России сменился строй. В 1926 г. в секретном донесении он вновь пишет о том, что «нам необходимо обратить самое усиленное внимание на командировки окончивших курсы востоковедных институтов в Китай, Маньчжурию и Японию, для того чтобы иметь как можно больше переводчиков к 1930 году. Три года еле-еле достаточный срок, чтобы студент, оканчивающий курс наших институтов, был в состоянии освоиться с языком на месте» (Усов, 2005, с. 111).

Последние из известных нам публикаций Д. Позднеева вышли в Харбине. Как писала вечерняя харбинская газета «Рупор» от 13 июня 1930 г., «литературное и издательское значение Харбина сильно возросло в последнее время. За один последний год в Харбине выпущено едва ли не больше книг, чем за всю предыдущую его исто-

рию» (Diao Shaohua, 2001, p. 424). По-видимому, Советская Россия стремилась принять активное участие в этом процессе.

Нам известны две «заграничные» публикации Д. Позднеева. Во-первых, небольшое, в шесть страничек, введение «Понятие о востоковедении» к первому выпуску коллективной монографии «Очерки стран Дальнего Востока (введение в востоковедение)», опубликованной в Харбине в 1931 г. при участии преподавателя юридического факультета в Харбине Н.А. Сетицкого и преподавателя Педагогического института в Харбине Н.Г. Третчикова. Во-вторых, третий выпуск одноименного издания, посвященного Японии, Корее, Филиппинам, Индо-Китаю. Он был полностью написан профессором Ленинградского университета Д.М. Позднеевым, хотя на титульном листе был указан авторский коллектив (Позднеев и др., 1931). Очерки представляли собой стандартный набор общих сведений о географии, истории, политическом устройстве Японии, промышленности, торговле, однако были дополнены новыми, актуальными на тот момент статистическими данными. В целом эта работа мало отличалась от аналогичных очерков, которые издавались Д. Позднеевым в 20-е годы.

По-видимому, в 1930-е годы (а отчасти уже и в 1920-е) Д. Позднеев был вынужден заниматься изучением «актуальных» тем практического востоковедения. В фонде Позднеевых в РНБ хранится несколько его статей («Корейцы в Маньчжурии», рецензии на японские публикации о переселенческих поселках в Маньчжурии) и составленная им «Библиография Маньчжурии». Видимо, в этот период Д. Позднеев был востребован как дальневосточник широкого профиля, а не только как японист или китаист. В целом после 1917 г. (пожалуй, за исключением весьма насыщенных первых послереволюционных лет) ученый не создал никаких принципиально новых по тематике и подходу научных работ. Все написанное и опубликованное им в 20–30-е годы оставалось в русле практического востоковедения, обусловленного чисто политическими запросами. Безусловно, изданные им политико-экономические очерки Китая и Японии были выполнены на высоком профессиональном уровне, но они лишь воспроизводили прежнюю модель описания стран Дальнего Востока, снабженные лишь толикой марксистского подхода.

А между тем в РНБ лежат заготовки для корейско-русского иероглифического словаря (101 лист) (РНБ, ф. 590, ед.хр. 70), подготовленные им для Института народов Севера лекции по истории Сибири (там же, ед.хр. 82), так и не опубликованные лекции по истории Кореи (там же, ед.хр. 77), материалы для составления русско-японского словаря. По-видимому, это тот самый словарь, о котором упоминает внучка Д. Позднеева. В фонде Позднеевых хранятся 222 листа — часть из них представляет собой рукописный русско-японский словарь (начинается с междометия «А» до слова «Скудный»), а часть — вырезки из какого-то русско-японского словаря (начиная с листа 207 по 630), в который Позднеев вписывал русскую транскрипцию. Судя по лексикону, печатный словарь был издан в дореволюционное время. Во всяком случае, ни слова «революция», ни слова «рабочий» в нем нет, зато есть «кавалеры», «штабс-капитаны» и прочие вышедшие из активного употребления после 1917 г. слова.

К сожалению, все эти проекты оказались невостребованными и не были завершены.

Печатался ли Д. Позднеев после 1931 г. или нет, сказать трудно, во всяком случае, пока не удалось найти никаких сведений по этому поводу.

1 октября 1937 г. семидесятидвухлетний Д. Позднеев, «гражданин СССР, беспартийный, профессор, консультант Государственного музея этнографии с 1936 г. по

день ареста, пенсионер», как записано в его архивном уголовном деле, «был арестован на основании ордера УНКВД по Ленинградской области. Обвинялся в проведении шпионской деятельности, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58, п.п. 6 и 11 УК РСФСР. По Постановлению Комиссии НКВД и прокурора СССР от 20 октября 1937 г. был осужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 октября 1937 года в Ленинграде.

По Определению Военного Трибунала Ленинградского Военного округа от 9 сентября 1957 года Постановление Комиссии НКВД и прокурора СССР от 20 октября 1937 года в отношении Позднеева Д.М. отменено и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Есть какая-то страшная изуверская ирония в том, что Д.М. Позднеев, верой и правдой служивший своему Отечеству, свято веривший в необходимость укрепления российских позиций на Дальнем Востоке и немало лично сделавший для этого, был обвинен в шпионаже в пользу Японии и расстрелян за это.

Страшные репрессии коснулись не только самого Д. Позднеева. В июне 1937 г. был арестован А.И. Корк (1887–1937), начальник и комиссар Военной академии. Поскольку в то время Д. Позднеев числился внештатным консультантом 3-го отдела 4-го управления Штаба РККА по дальневосточным вопросам и был связан с академией, это обстоятельство, по-видимому, стало предлогом для его ареста. В воспоминаниях членов семьи Позднеевых также звучит фамилия работника НКВД Павлинова, который в качестве подселенца проживал в их квартире¹⁴ и расширил свою жилплощадь после ареста Д. Позднеева (Кабанова, 1990. Судьба одной семьи, с. 54). Но страшное кольцо вокруг семьи Позднеевых начало сужаться еще раньше. В 1933 г. был арестован якобы «за участие в молодежных антисоветских выступлениях» и приговорен к трем годам лишения свободы условно его сын Дмитрий, который позднее, после ареста отца, уйдет из дома и бесследно сгинет.

Летом 1937 г. уедет на работу на одну из станций Амурской железной дороги сын Антон (1912–1938), где будет арестован и приговорен к высшей мере наказания (сайт «Мемориала»). В марте 1938 г. будет арестован Плотников Марк Семенович (1897–1938), преподаватель кафедры тактики Военной академии РККА им. Фрунзе (сайт «Мемориала»), муж дочери Позднеева, японистки Веры Плотниковой (1906–1943), которая всего на несколько лет переживет отца и мужа и в нищете и болезнях уйдет из жизни, не дожив до сорока лет (подробнее см.: Лещенко, 1998). Не переживет ареста мужа и его жена, Александра Антоновна Глюк, которая скончается через несколько месяцев после этого. А вокруг продолжались аресты, один за другим уходили в небытие коллеги и ученики Д. Позднеева. Уцелеет и продолжит дело отца только Л.Д. Позднеева (1908–1974), которая станет синологом, литературоведом и переводчиком китайской литературы.

Судьба домашней библиотеки Д. Позднеева неизвестна, скорее всего, книги поступили в фонды РНБ, во всяком случае, сегодня многие труды Д. Позднеева из библиотеки Института восточных рукописей в СПб имеют штамп «Выпущено Резервным фондом Гос. Пуб. Биб-ки», что свидетельствует о том, что часть его книг была передана именно из РНБ, вероятно уже после реабилитации ученого.

На многие годы имя Д. Позднеева будет вычеркнуто из истории науки. Вплоть до последнего времени основателем и патриархом отечественного японоведения считался Н.И. Конрад (1891–1970), автор многочисленных работ по истории, языку, литературе Японии. Как мы уже упоминали, он был учеником Д. Позднеева по Практи-

¹⁴ Им принадлежала большая 8-комнатная квартира в толстовском доме по адресу: ул. Рубинштейна, д. 15/17, кв. 660.

ческой Восточной академии, много почерпнувшим и перенявшим от своего учителя. Приведем один небольшой пример. Обратимся к лекциям, прочитанным на первом курсе этой академии в 1911 г. 200 страниц литографического текста охватывают разные аспекты японской культуры, от географии до этнографии. Среди прочих разделов в книге имеется очерк истории Японии, от древности до начала XX в. Если древний и «империалистический» (от слова «император»!) этапы охарактеризованы достаточно кратко, то период новой истории рассмотрен подробно и в деталях. Заметим, что границей этого этапа указывается «принятие Японией письма президента Северо-Американских Соединенных штатов» 14 июля 1853 г., а не принятая ныне дата 1868 г., когда в стране произошла реставрация императорской власти. Д. Позднеев предлагает разделить историю XIX столетия на шесть периодов «довольно определенных очертаний, которым можно дать точные имена по выдающимся явлениям их»: отчужденности (1801–1853), заключения договоров (1854–1858), внутренних беспорядков (1853–1868), преобразований (1868–1878), внутреннего развития (1879–1889) и конституционного правительства (1879–1900) (Позднеев, 1911, с. 27). Современная историческая наука дает несколько иную периодизацию новой истории Японии, однако это не умаляет значения предложенной Д. Позднеевым интерпретации этого периода, поскольку она базируется на понимании тех исторических закономерностей, которые лежали в основе описываемых событий. Этот небольшой пример ярко свидетельствует о том, что Д. Позднеев был одним из первых японистов, заложивших основы систематического изучения Японии, и в частности ее истории. Конечно, деятельность этого ученого пришлась на период знакомства с культурой Японии, на этап накопления фактов и знаний, теоретическое осмысление которых еще только предстояло совершить будущим исследователям. И все же «Японско-русский иероглифический словарь», «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России», учебные пособия по японскому языку, многочисленные очерки Японии навсегда вошли в золотой фонд отечественной японистики, составив славу блестящему японисту, одному из основателей изучения Страны Восходящего Солнца, профессору Димитрию Матвеевичу Позднееву.

Закончить же эту статью мне хотелось бы словами самого Д. Позднеева из его письма племянникам (РНБ, ф. 590, ед.хр. 117, л. 405. Письмо от 14 апреля 1910 г.). «Жизнь на Востоке, прежде всего, требует того, чтобы человек ничего не боялся, был беззаветно предан делу и не думал бы ни секунды об отступлении даже и тогда, когда ему смотрит в глаза смерть. В будущем же... Дальний Восток сулит еще больше опасностей... Поэтому для ориентализма нужны известные специальные черты характера, как я его называю, „культурного бродяги“. Без некоторой любви к новизне и приключениям идти на ориентализм нельзя. Возьмите и проанализируйте жизнь любого из известных вам ориенталистов, и вы увидите, что все мы — культурные бродяги независимо от степени эрудиции и учености: Иакинф Бичурин, Палладий Кафаров, Васильев, Пржевальский, Потанин, Певцов, Виктор Успенский, Покопилов, Леля¹⁵, я сам и все, все. Для нас есть что-то неудержимо привлекательное в этом Дальнем Востоке, и подумать о том, чтобы поменять свою работу, скажем, на хорошую должность управляющего казенной палаты в Орле, представляется в уме совершенно недопустимым».

¹⁵ Так он любовно называл своего старшего брата А.М. Позднеева.

Библиография Д.М. Позднеева (1865–1937)¹⁶

- Вопросы древней истории Китая (по поводу "A Short History of China" by D.C. Boulger. L., 1893) // Журнал Министерства народного просвещения, ССХСIII. СПб., 1894. С. 374–401.
- Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // Журнал Министерства народного просвещения, ССХСV. 1894, № 10.
- ...К вопросу о пособиях при изучении истории монголов в период Минской династии [По поводу книги Д. Покотилова: «История восточных монголов в период династии Мин 1368–1634 гг.» (По китайск. источникам). СПб., 1893]. СПб., 1895.
- Критическая заметка о книге полковника Д.В. Путятты «Китай». СПб., 1895.
- Япония. Ее экономическое положение и торгово-промышленное отношение к России. Нижний Новгород, 1896 (Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде [Труды].8,7).
- Монголия, ее экономическое положение, торговля и промышленность. Сост. Д.М. Позднеевым по соч. проф. А.М. Позднеева «Монголия и монголы». СПб., 1896.
- Занятия Секции Китая и Японии XI Конгресса ориенталистов в Париже. СПб., 1897.
- Основные течения государственной жизни Китая в XIX веке. Вступит. лекция, произнесенная в С.-Петербур. ун-те 9 нояб. 1896 г. СПб., 1897.
- Описание Маньчжурии. Составлено в Канцелярии министра финансов под ред. Д. Позднеева. СПб., 1897.
- Пособие к изучению коммерческой географии Дальнего Востока (Маньчжурия, Монголия, Зап. Китай и Собственный Китай). Курс, читанный в допол. практическом классе Д. Позднеевым, 1898.
- Лекции по истории Китая. 1897–1898 гг. СПб., 1898.
- Тай-пинское восстание в Китае. СПб., 1898.
- Исторический очерк уйгуров (По китайским источникам). СПб., 1899.
- Краткое описание островов Мяо-Дао. Составлено в Канцелярии министра финансов по донесениям Д. Позднеева, по The China Sea Directory (vol. III, 1894) и Guild of Pe Chili and Liang Tung (Admiralty Chart, № 1256, 1898). СПб., 1899.
- 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. СПб., 1901.
- Торговля города Ин-коу (Ню-чжуан). Доклад министру финансов. СПб., 1902.
- Торговля города Порт-Артура. СПб., 1902.
- Торговля городов: Дальнего, Далянь-ваня, Би-цзы-во и Да-дунь-гоу. СПб., 1902.
- Торговля порта Чифу. [2 зап. с прил.]. СПб., 1902.
- Материалы по вопросу о пересмотре действующей в Китайских морских таможах системы регистрации внешней торговли Китая. СПб., 1905.
- ...Народное образование в Швейцарии (Извлечение из «Журнала Министерства народного просвещения»). СПб., 1905.
- Программа начального изучения японского языка. Токио, 1906.
- Япония. Геогр.-стат. очерк Дмитрия Позднеева — 1906 (Известия Восточного института. 8-й год изд. 1906/1907 acad. г. Т. 16).
- Японское общество «Го-а Добункаи». Оттиск из «Журнала Министерства народного просвещения». Новая серия. VI (1906, № 11), отд. 4. С. 1–18. 1906.
- Японская историческая хрестоматия. Ч. 1. Токио, 1906.
- Коммерческая география Дальнего Востока. [Курс лекций, чит. в С.-Петербур. коммерч. уч-ще]. СПб., 1907.

¹⁶ В Библиографию не вошли чисто публицистические газетные статьи. Список всех дореволюционных журналистских работ Позднеева приведен в очерке «Ученая и литературная деятельность Д.М. Позднеева» (отд. оттиск из 3-го тома «Материалов по истории факультета восточных языков». Пг., 1914).

Насколько нам известно, представленная библиография является наиболее полной библиографией Д. Позднеева, что не исключает того, что она может быть дополнена какими-то иными, неизвестными или недоступными автору публикациями ученого.

- Токухон, или Книга для чтения и практических упражнений в японском языке. Яп. текст, рус. транскрипция, слова и пер. Ч. 1 и 2. Токио, 1907–1908.
- Материалы по вопросу о постановке начального изучения японского языка. Иокохама, 1908.
- ...Программа начального изучения японского языка. Токио, 1908.
- Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.
- Ответ на «Критический разбор Японской исторической хрестоматии. (Часть 1, Отделы I и II)», опубликованный в 3-м выпуске XXIII тома «Известий Восточного института» г. Е. Спальвиным. Владивосток. 1908 г. Иокохама, 1909.
- Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. 1. Данные географические и этнографические. Т. 2. Ч. 1. Отношение к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Т. 2. Ч. 2. Первые сношения России с Японией. Иокохама, 1909.
- Новый иероглифический японо-корейско-китайский словарь как попытка определения минимального числа иероглифов, общих для трех языков. СПб., 1910.
- Грамматика разговорного японского языка. Конспекты лекций Д.М. Позднеева, чит. в Практической Восточной Академии Императорского Общества Востоковедения в 1910–1911 учеб. г. [1911].
- Пособие к изучению японского официального языка. (Обраб. по изд. “Der amtliche japanische Briefstil” von W. Muller. В., 1907). СПб., 1911.
- Япония. Общий очерк страны. Лекции, читанные на первом курсе Практической Восточной Академии при Императорском Обществе Востоковедения в 1911 г. СПб., 1911.
- Японская газетная хрестоматия. Т. 1. СПб., 1911.
- Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика). СПб., 1912.
- Мусульманство в Китае // Мир ислама. Издание Императорского Общества Востоковедения. Под ред. Д. Позднеева. Т. 2. Выпуск 10. СПб., 1913.
- Сборник высочайших указов и официальных и частных общеупотребительных документов. (Транскрипция, слова и пер.). (Пособие по яп. яз.). СПб., 1914.
- Человек он был... (Памяти гр. С.С. Татищева). СПб., 1915.
- Из истории революционного движения в Китае // Новый Восток. 1922, № 2.
- Грамматика разговорного японского языка. Конспект лекций, чит. в Воен. акад. РККА и в Институте востоковедения в 1922/23 учеб. г. М., 1923.
- Япония и Австралия // Военная мысль. 1923, № 4. С. 64–73.
- Китай и море // Морской сборник. Л., 1924. Вып. 10. С. 152–169.
- Япония. Военно-экономическое описание. М.: Разведывательное управление Штаба Р.-К.К.А., 1924.
- Боксерское восстание как этап освободительной борьбы в Китае (К 25-летию событий) // Звезда. 1925, № 4. С. 156–172.
- Япония. Страна, население, история, политика. Под ред. и с предисловием А.А. Иорданского. М.: Гос. воен. издат., 1925.
- Современный Китай. (Борьба за китайский рынок). (Материалы для бесед и лекций с прил. карты соврем. Китая). Л., 1925.
- Индия и Тибет. (Библиотека самообразования. Под ред. Секции самообразования Ленинградского гублитпросвета). Л., 1926.
- Китай и Япония. Л., 1926.
- Мировое значение Индии в прошлом, настоящем и будущем // Звезда. 1926, № 4.
- Китайская литературная революция // ЯЛ. 1927. Т. 2. Вып. 2. С. 1–26.
- Революция в изучении Дальнего Востока в СССР за десятилетие // Записки научного общества марксистов. 1927, 8(2).
- Трудности изучения китайской революции // Записки научного общества марксистов. 1927, 7(1). С. 112–128.
- Сибирь и ее богатство. Л., 1927, 64 с.
- Проникновение западного торгового капитала на Дальний Восток // Записки научного общества марксистов. 1928, 1(9). С. 86–114.

- Проникновение западного торгового капитала на Дальний Восток. Южный путь через Индийский океан // Записки научного общества марксистов. 1928, 3(11). С. 83–104.
- Очерки стран Дальнего Востока (Введение в востоковедение). Вып. 1. Собственный Китай. Харбин, 1931 (в соавт. с Н.А. Сетицким, В.А. Кормазовым, Н.Г. Третчиковым).
- Очерки стран Дальнего Востока (Введение в востоковедение). Вып. 3. Япония, Корея, Филиппины, Индо-Китай. Харбин, 1931 (в соавт. Н.А. Сетицким, В.А. Кормазовым, Н.Г. Третчиковым).

Список литературы

- Алпатов В.М.* Репрессированные японисты // Япония. 1989: Ежегодник. М., 1991. С. 310–319.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Берлин, 1922.
- Войтов Е.В., Тихменёва-Позднеева Н.А.* Алексей Матвеевич Позднеев и его восточная коллекция. Самара: Издательский дом «Агни», 2001.
- Кабанова Н.Г.* Дмитрий Позднеев из семьи Позднеевых // Азия и Африка сегодня. 1990, № 12. С. 40–42.
- Кабанова Н.Г.* Судьба одной семьи // Азия и Африка сегодня. 1990, № 2. С. 50–54.
- Кочешков В.Н.* «Они были первыми» // Россия и АТР. 1999, № 2. С. 34–58.
- Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Литературные труды Афанасия Булгакова. М., 2011.
- Леценко Н.Ф.* Дочь опального профессора (В.Д. Плотникова) // Российские востоковеды. Страницы памяти. М., 1998.
- Михайлова Ю.Д.* «Познать Японию чрезвычайно трудно» — Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2010, № 16. С. 26–41.
- Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. Институт востоковедения РАН. М.: Издательство «Крафт», 2004.
- Позднеев Д.М.* Занятия Секции Китая и Японии XI Конгресса ориенталистов в Париже. СПб., 1897.
- Позднеев Д.М.* 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца. СПб., 1901.
- Позднеев Д.М.* Япония. Географически-статистический очерк. Токио, 1906.
- Позднеев Д.М.* Программа начального изучения японского языка. СПб., 1908.
- Позднеев Д.М.* Японо-русский иероглифический словарь. (По ключевой системе). Токио, 1908.
- Позднеев Д.М.* Материалы по вопросу о постановке начального изучения японского языка. Иокохама, 1908.
- Позднеев Д.М.* Обучение японскому языку русских мальчиков и молодых людей в Духовной Семинарии Православной японской миссии в Токио // Материалы по вопросу о постановке начального изучения японского языка. Иокохама, 1908. С. 118–137.
- Позднеев Д.М.* Историческая справка. Первая школа японского языка в России // Материалы по вопросу о постановке начального изучения японского языка. Иокохама, 1908. С. 157–158.
- Позднеев Д.М.* Ответ на «Критический разбор японской исторической хрестоматии (Часть 1. Отделы I и II)», опубликованный в 3-м выпуске XXIII тома «Известий Восточного института» г. Е. Спальвиным. Владивосток, 1908 г. Иокохама, 1909.
- Позднеев Д.М.* Япония. Общий очерк страны. Лекции, читанные на 1 курсе Практической Восточной Академии при Императорском Обществе Востоковедения в 1911 г. СПб., 1911.
- Позднеев Д.М.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика). СПб., 1912.
- Позднеев Д.М.* Мусульманство в Китае // Мир ислама. Издание Императорского Общества Востоковедения. Под ред. Д. Позднеева. Т. 2. Вып. 10. СПб., 1913. С. 684–699.
- Позднеев Д.М.* Из истории революционного движения в Китае // Новый Восток. 1922, № 2. С. 331–340.
- Позднеев Д.М.* Япония. Страна, население, история, политика. М., 1925.
- Позднеев Д.М.* Революция в изучении Дальнего Востока в СССР за десятилетие // Записки научного общества марксистов. 1927, 8(2). С. 55–67.

- Позднеев Д.М.* Трудности изучения китайской революции // Записки научного общества марксистов. 1927, 7(1). С. 112–128.
- Позднеев Д.М., Сетицкий Н.А., Кормазов В.А., Третчиков Н.Г.* Очерки стран Дальнего Востока (Введение в востоковедение). Вып. 3. Япония, Корея, Филиппины, Индо-Китай. Харбин, 1931.
- Спальвин Е.Г.* К характеристике трудов и направления г. Дмитрия Позднеева в области японоведения. Критический разбор «Японской исторической хрестоматии» (часть 1, отделы 1 и 2) господина Дмитрия Позднеева. Владивосток, 1908.
- Усов В.Н.* Из истории отечественного востоковедения: неизвестные страницы биографии профессора Д.М. Позднеева // Восток. 2005, № 5. С. 102–117.
- Усов В.Н.* Советская разведка в Китае в 20–30-е годы XX века. Сетевая версия: [http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/143514/Usov - Sovetskaya_razvedka_v_Kitae_20-e_gody_XX_veka.html](http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/143514/Usov_-_Sovetskaya_razvedka_v_Kitae_20-e_gody_XX_veka.html)
- Ученая и литературная деятельность Д.М. Позднеева (отдельный оттиск из 3-го тома «Материалы по истории Факультета восточных языков»). Пг., 1914.
- Хисамутдинов А.* От Восточного института к университету. Сетевая версия: <http://khisamutdinov.ru/forum/viewtopic.php?f=24&t=44&sid=41c96bf34e5552d091c2a3ca0fc1187e>
- Хохлов А.Н.* Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. (по архивным материалам и письмам российских японистов) // С.Г. Елисеев и мировое японоведение. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 197–242.
- «Я здесь совершенно один русский...» Письма Ревельского епископа Николая (Касаткина) из Японии. Публ. и коммент. Р.К. Циркуна. СПб.: Издательский дом «Коло», 2002.
- «Я читаю о человеке всё...» Письма А.И. Булгакова к В.М. Позднееву. Публ. и коммент. Е.А. Яблокова // Октябрь. 2002, № 11.
- Сайт Мемориала — <http://lists.memo.ru/index16.htm>
- Diao Shaohua.* Краткий обзор истории русской печати в Харбине // *Revue des Etudes Slaves*, 2001. Vol. 73, № 73-2-3. P. 405–445.

Summary

K.G. Marandjian

Dmitry Pozdneeff (1865–1937):

A Sketch of the Portrait of a “Cultural Vagabond”

This is a detailed biography of the famous Japanologist and Sinologist D. Pozdneeff, subjected to repression in 1937. The name of this Orientalist was consigned to oblivion for many years while his books and teaching materials were withdrawn from usage. The article is based on the materials preserved at the Pozdneeff Fund of the Manuscript Department of the Russian National Library. The article is accompanied by D. Pozdneeff's bibliography.